

Егоров В.В., учитель истории и обществознания высшей квалификационной категории, Муниципальное автономное общеобразовательное учреждения «Гимназия № 67» (Россия)

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТОВ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК В 1929–1930 ГГ.

В статье освещается работа Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК в 1929–1930 гг. Тема исследования актуальна, т.к. в настоящее время происходит переосмысление советского опыта взаимодействия государственной власти и РПЦ в советский период нашей истории. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать работу Комиссии по вопросам культов и осознать её роль для развития антирелигиозной политики советской власти. В настоящей статье изучается проблематика, с которой сталкивалась комиссия при решении вопросов, связанных с взаимодействием власти, населения и церкви. Большой вклад в изучение деятельности Комиссии по вопросам культов сделан А.Л. Ершовым, А.С. Кочетовой, О.Б. Приказчиковой [3, с. 121–124, 5, с. 155–160, 8, с. 41–76]. А.Л. Ершов изучает региональный аспект деятельности Комиссии по вопросам культов. А.С. Кочетова анализирует деятельность комиссии с юридических позиций. О.Б. Приказчикова анализирует статистический аспект работы комиссии. Основной акцент в её статье сделан на период с 1931 по 1938 гг. В отличие от указанных статей в настоящей статье подробно анализируется период работы комиссии с 1929 по 1930 гг. Рассмотрен новый содержательный аспект работы комиссии. Методология настоящей статьи включает историко-диахронный метод, который позволил понять внутренние законы развития политического курса советской власти в отношении РПЦ и служителей культа. Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить некоторые аспекты политики государственной власти Российской империи и советской власти в отношении православной церкви. Структурно-системный метод позволил изучить генезис политики советской власти по вопросу её взаимодействия с РПЦ в её целостности и в отдельных аспектах. В результате исследования удалось изучить поступающие в комиссию жалобы и ходатайства, реакцию членов комиссии на эти обращения граждан. Изучается деятельность председателя комиссии советского государственного и партийного деятеля П.Г. Сидовича. В настоящем исследовании впервые введены в научный оборот архивные материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Материалы и выводы, содержащиеся в исследовании, могут быть полезны для преподавания «Истории России», при составлении учебных пособий, спецкурсов по истории взаимодействия советской власти и РПЦ. Комиссия принимала решения в отношении РПЦ и служителей культа в соответствии с действующим в то время законодательством СССР. Однако само это законодательство было направлено на исключение церкви из общественно-политической жизни и полному искоренению веры из умов граждан.

Ключевые слова: Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, РПЦ, Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, Наркомат финансов, Главнаука, НКВД, ОГПУ, Росгосстрах, Фабрика «Красный Октябрь», налоговое обложение священнослужителей.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-46-56

Отношения власти и РПЦ в 1920-е гг. были сложными, политика советской власти носила комбинированный характер, сочетавший в себе репрессии и стремление к расколу церкви.

Первоначально советская власть не создала специального органа для рассмотрения вопросов, связанных с взаимоотношениями органов власти с религиозными объединениями. Хотя потребность в таком органе остро ощущалась. Эти вопросы относились к компетенции Наркомата юстиции РСФСР, в котором существовал т.н. Ликвидационный отдел. С 1924 г. эти вопросы перешли в ведение Административного отдела при Центральном административном управлении НКВД РСФСР и его низовых территориальных подразделений — адм. отделов при исполкомах губ., окружных, уездных советов и совнаркомов автономных республик РСФСР. В августе 1924 г. был снова поднят

вопрос об организации особой комиссии по вопросам культов [4].

В 1929 г. в Москве была образована Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК [10, л. 1]. А.С. Кочетова отмечает, что эта комиссия создавалась для контроля за выполнением и реализацией государственной политики в сфере религиозного законодательства. Н. Топоркова указывает, что основные направления деятельности Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК были определены Председателем [5, с. 155].

К основным направлениям работы комиссии следует отнести: налогообложение и оценку молитвенных зданий, страхование церковного имущества, о колокольном звоне и снятии колоколов, землепользование служителей культа, о служителях культа, снявших сан. А также о порядке закрытия церквей и ликвидации молитвенных зданий, об

обследовании монастырей и по жалобам граждан. Эти вопросы совпадали с основными вопросами государства, связанными с взаимоотношениями с РПЦ, т.к. от решения этих вопросов зависела успешность политики советской власти в отношении церкви и религиозного культа.

Вопросы налогообложения решались в 1929 г. На заседании Комиссии присутствовали: председатель тов. Смидович, секретарь т. Орлеанский, член комиссии от НКЮ тов. Вишняков. А также представители: НКВДела т. Бородин, НКФ СССР т. Данилов, НКФ РСФСР т. Князев. Росгосстраха т. Орлов, Главсоцстраха т. Горбунов.

Обсуждался вопрос о промысловом и подоходном налоге, введенном Наркомфином РСФСР на продажу свечей, просфор. Тов. Смидович, ознакомил совещание с циркуляром, выпущенным НКФ РСФСР 4/IX с.г. за № 926, трактующим продажу в молитвенных зданиях свеч и просфор для целей культа, как торговлю, подлежащую обложению промысловым налогом в 1928–1929 гг. Смидович сообщал: а) проведение в жизнь этого циркуляра вызвало ряд жалоб с мест; б) налоговые инспектора стали требовать выборку патентов даже в 1926–1927 и 1927–1928 гг. (г. Тула); в) введение патента на предметы культа, употребляемые в церквях, противоречит основному Декрету об отделении церкви от государства от 23/1-18 г. ст. 12. По принятому 8/IV с.г. закону об религиозных объединениях, ст. 11-ая, 17, 22, 40 № «д» религиозные объединения прав юридического лица не имеют, никакой торговлей заниматься не могут; г) циркуляры НКФ не были согласованы с Постоянной Комиссией, вопреки Постановлению ВЦИКа ст. 15/ IV с.г., затрагивающему все ведомства, проводимые ими мероприятия, непосредственно связанные с вопросами культа, предварительно согласованные с указанной выше постоянной комиссией Президиума ВЦИКа.

Решено было просить Наркомфин отменить промысловый налог с религиозных объединений на продажу свечей, просфор и т.д. в молитвенных зданиях.

Получалось так, что нормы советского права противоречили друг другу. В этом случае Декрет об отделении церкви от государства считался советской властью более приоритетным, чем циркуляры, которые к тому же не были надлежащим образом согласованы с Комиссией.

Рассматривалась ставка налога со строений, предназначенных для «богослужебных» целей. Было решено в согласии с общесоюзным законодательством принять ставку налога со строений в размере $S\%$ стоимости строений по оценке Госстраха [10, л. 2–4].

Обсуждался вопрос о новом порядке оценки Госстрахом молитвенных зданий. Новый порядок оценки сводился к оценке молитвенных зданий по восстановленной ведомости. Кубатура часто определялась в преувеличенном виде. По словам представителя Росгосстраха прежняя оценка в 5–7 р. возросла до 15–20 р., т.е. в два и три раза; страховая оценка зданий возрастает до пяти раз. Было решено просить Госстрах разработать и представить на согласование новую инструкцию по страховой оценке молитвенных зданий точно определяющую приёмы оценивания кубатуры молитвенных зданий.

Этот же вопрос разбирался на заседании 6 февраля 1930 г. Присутствовали т.т. Смидович, Красиков, Пронин, Тучков и Владимирова (НКВД). Ввиду того, что оценка молитвенных зданий при страховании зачастую производилась заочно и лицами некомпетентными, вследствие чего здание иногда определялось выше восстановлений. Было решено: Госстраху принять меры к соблюдению действующего закона о страховании молитвенных зданий, не допуская оценки последствий, превышающей действительную стоимость. В случае несогласия общин с оценкой агентов Госстраха, переоценку производить техническими комиссиями местных исполкомов [2, л. 1–7].

В 1929 г. рассматривался вопрос о тарифных ставках страховых взносов. До последнего времени тарифные ставки, вследствие учёта пониженных условий грамотности, сводились к $1/2$ и j нормальной ставки и сводились к $0,1\%$ и до $0,3\%$ к страховой оценке. Распоряжение от 03.03.1929 вводило тариф страховых взносов в селениях и первый разряд местных тарифов (скидка 20%), в городах. В результате тарифные ставки возросли в городах в два раза, а в селениях в шесть раз. Учитывая повышение страховой оценки, страховые взносы возрастали в городах до 10-кратного, а в деревнях до 40-кратного размера. Было решено, что в соответствии со ст. 10 Декрета об отделении церкви от государства признать необходимым страховые ставки с молитвенных зданий приравнять к ставкам на здания, сдаваемые в пользование общественных организаций.

Рассматривалось дело об обязательном страховании оборудования, движимого имущества и предметов религиозного культа: икон, хоругвей, колоколов и др.

Было решено, что переоценка в новом порядке движимого имущества связана с целым рядом трудностей и неудобств политического и общественного порядка. Ввиду того, что это культовое имущество ни в каком случае восстановлению не подлежит (иконы, хоругви и т.д.) — признать необходимым: исключить культовое движимое имущество из обязательного страхования, согласно существующего ранее положения. Просить Госстрах пересмотреть этот вопрос на основе ст. 2 Постановления ЦИКа и СНК СССР от 04.11. с.г.

Страхование церковного имущества было временной и вынужденной мерой. Подразумевалось, что оно имело место до полного искоренения религии из общественного сознания и государственной жизни в СССР.

Комиссия заседала 31 декабря 1929 г. Присутствовали т.т. Смидович, Тучков, Никитина, Вишняков, Пронин и Икряннистова. Председательствовал Смидович, секретарём был Тучков. В числе прочих обсуждался вопрос о колокольном звоне и использовании колоколов. Тов. Тучков докладывал, что ранее этот вопрос уже разбирался комиссией в составе тт. Красикова и Стукова, причём комиссия приняла другое постановление, которое разнилось с постановлением Президиума ВЦИК, принятого по проекту т. Смидовича.

В проекте комиссии Красикова и Стукова прекращение колокольного звона и сведение его до минимума было намечено лишь по отношению к городам. В деревне вопрос стоял совершенно особо. Прекращение колокольного звона в церквях деревенского типа комиссия, учтя политическую целесообразность, не намечала, между тем, как в Постановлении Президиума ВЦИК право регулирования колокольного звона представлялось местным исполкомам, что могло быть ими расценено, как полное прекращение колокольного звона.

Новой комиссией было решено регулирование или прекращение колокольного звона производить в тех местностях, в которых трудовые процессы вложились уже в непрерывную производственную неделю и там, где переход этих процессов на

непрерывность производился [10, л. 1–5].

Таким образом, в своих решениях и отчётах советская власть противопоставляла религию и труд.

Вопросы, связанные с колокольным звоном и изъятием колоколов обсуждались на заседании комиссии 6 января 1930 г. НКВД представил проект циркуляра и проект постановления. Было решено признать на основании состоявшегося обмена мнениями предложение НКВД подлежащим переработке. Просить т. Тучкова проработку вопроса закончить к следующему заседанию, т.е. 6 февраля. Тов. Смидовичу ускорить рассмотрение вопроса.

6 февраля тов. Икряннистова выступила с инструкцией о колокольном звоне, предложенной НКВД. Окончательное редактирование решено было поручить т.т. Смидовичу, Красикову и Тучкову.

В тот же день к работе комиссии присоединился Подчуфаров. На повестке дня в числе других вопросов слушались вопросы по проекту закона о снятии колоколов и использовании металла, о стихийном процессе ликвидации молитвенных зданий, об обследовании монастырей. Тов. Смидович выступил с проектом закона о снятии колоколов и использовании металла. Комиссия согласилась с проектом, предложенным тов. Смидовичем, и вынесла его на утверждение Президиума ВЦИК.

3 января 1930 г. Ярославский следственный комитет советов обращался к члену Президиума ВЦИК тов. Смидовичу. На рассмотрение Президиума ВЦИК было направлено ходатайство 5 000 жителей города Ярославля о снятии церковных колоколов и переплавки их на нужды промышленности.

30 декабря 1929 г. в местной прессе было издано Постановление Горсовета, ходатайствующего о скорейшем разрешении вопроса о снятии колоколов Окрисполкомом. Об этом Постановлении Ярославский следственный комитет советов уведомлял Председателя ВЦИК тов. М.И. Калинина [6, л. 18–19].

О.Б. Приказчикова отмечает, что, выполняя распоряжение центра, местные власти, трудовые коллективы фабрик, заводов принимали решение о запрещении колокольного звона и сдаче колоколов в фонд индустриализации. Соревнуясь друг с другом, областные, городские, уездные и районные власти наперебой выносили постановления о прекращении колокольного звона, снятии колоколов. Выносили свои

предложения об использовании колокольного металла [8, с. 50].

Обращение жителей Ярославля в органы власти о снятии колоколов также свидетельствовало об успешности советской антирелигиозной пропаганды.

6 января 1930 г. к работе комиссии присоединились Матвеев и Извеков. Комиссия обсуждала ряд вопросов по протоколу № 4. В числе этих вопросов были: о землепользовании служителей культа, о служителях культа, снявших сан, об обследовании бывших монастырей.

По вопросу о землепользовании служителей культа был заслушан доклад т. Тучкова. На основании этого доклада члены комиссии приняли решение лишить служителей культа права пользоваться землёй наравне с другими лицами, лишёнными избирательных прав, имеющих источники существования от торговли, эксплуатации труда в промышленных предприятиях и т.д. Настоящее предложение решено было провести через ЦК ВКП(б).

Следующий доклад т. Тучкова был о служителях культа, снявших сан и опубликовавших информацию об этом в соответствующих органах печати и демонстративно порвавших с религией и религиозными организациями. Этим служителям культов предлагалось предоставить фактическую возможность на трудовое землепользование или заработок по службе. Поступление на службу через биржу труда согласовать с профорганизациями, НКТ, НКЗ, провести в жизнь путём издания соответствующей секретной инструкции. В инструкцию включить необходимость проверки обследования дела. Восстановление в избирательных правах необходимо было проводить на общих основаниях. Означенное постановление провести через ЦК ВКП(б).

Государство поощряло отказ священнослужителей от религии и снятие ими сана. Таким образом, священники подавали пример другим гражданам СССР. Выход священников из религии очень показателен и, с точки зрения, советской власти демонстрировал несостоятельность религии и священников.

Следующий доклад Тучкова был посвящён обследованию бывших монастырей. Комиссией решено было доклад Тучкова принять к сведению. Тучкову надлежало проверить инструкцию по обследованию монастырей и провести её в жизнь

через НКВД в трёхмесячный срок. После чего необходимо было предоставить в культкомиссию доклад по обследованию и план ликвидации действующих монастырей. Все эти решения были подписаны председателем комиссии П. Смидовичем.

Это меры были шагом на пути к закрытию церкви. При этом советская власть действовала очень продуманно. 24 апреля 1929 г. комиссия рассматривала дело о школьном строительстве в условиях фабрики «Красный Октябрь». Учитывая особую важность школьного строительства, комиссия допустила выделить специальный денежный фонд на перестройку помещения церкви под школу. При этом профорганизация ходатайствовала о закрытии церкви, считая недопустимой затяжку этого вопроса.

27 февраля 1929 г. члены Профсоюза фабрики «Красный Октябрь» слушали доклад представителя ПСБ тов. Одольского на тему: «Религия, культурная революция и нужна ли церковь трудящемуся классу». Большинство голосов, кроме двух, было решено закрыть церковь, помещение отдать под школу, усилить антирелигиозную пропаганду. Часть рабочих была недовольна закрытием церкви, но 25 апреля в телеграмме фабричный комитет уверил, что это было не больше, чем провокационное мероприятие, т.к. он подчёркивал, что во главе верующих стояли чуждый элемент рабочему классу — поп-спекулянт и жители, не пользующиеся своим трудом.

Таким образом, советская власть своей антирелигиозной политикой разделяла общество. Среди граждан были как сторонники антирелигиозных мер власти, так и противники. Хотя в целом население не противодействовало власти в реализации мер антирелигиозной политики. Случай, произошедший на фабрике «Красный Октябрь», весьма показательный. Советская власть использовала образование, как одно из средств антирелигиозной пропаганды. Советская школа должна была привить детям основы атеизма, разъяснить им и их родителям, что Бога нет.

Устройство школы в здании бывшего храма служило средством демонстрации силы советской власти и правильности её антирелигиозных мер.

Во время перехода Руси из язычества в христианство православные храмы часто устраивались на местах языческих капищ.

Возведение храмов должно было способствовать крещению язычников. В советское время открытие школы на базе бывш. православного храма должно было способствовать изжитию религиозного культа.

2 апреля 1929 г. был заключен договор о том, что окружной совет местного хозяйства обязывался построить на Никольском Хуторе Чаадаевского района Пензенской области одноэтажное деревянное здание школы по прилагаемому проекту. Срок начала работ по строительству вышеуказанной школы начинался с 20 мая с.г. Окончание работ планировалось на 30 сентября 1929 г. Настоящий договор вступал в силу по утверждению Кузнецкого райисполкома и Городского поселкового совета [7, л. 64–68]. Таким образом, здание церкви передавалось Кузнецкому окружному отделу без ведома церковных органов. Их даже не поставили в известность. Отношение к церкви было потребительским. Эта была типичная ситуация, которая служила микромоделью взаимоотношений, выстраивавшихся между церковью, обществом и властью. Церковь исключалась из процессов общественной жизни. С её мнением не только не считались, его не спрашивали.

На заседании 31 декабря того же года тов. Смидович сообщал Культкомиссии, что священнослужители не могли уже принимать никакого участия (ни активного, ни пассивного) в каких бы то ни было кооперативных организациях. Вопрос этот, по словам Смидовича, был разрешён уже по партийной линии [7, л. 2]. Таким образом, советская власть лишила служителей культа возможности удовлетворить их экономические, социальные и культурные потребности в автономных организациях добровольно объединившихся людей.

Всё это свидетельствовало о том, что советская власть не доверяла служителям культа. Это недоверие обретало, таким образом, практическую сторону. Не только церковь, как общественно-политическая организация, но и служители культа оказывались как бы выброшенными из экономической жизни страны. В принципе, можно говорить о дискриминации церкви и служителей культа.

6 января 1930 г. по протоколу № 6 слушался вопрос об изменении порядка закрытия церквей. Было постановлено: признать целесообразным изменение порядка ликвидации молитвенных зданий. Окончательное

решение этого вопроса предоставить Край и Облсполкомам, а для областей, автономных республик, не имеющих деления на округа, оставить существующий порядок [2, л. 1–3]. Таким образом, комиссия узаконивала решения, подобные решениям Симбирского губисполкома о ликвидации Покровского женского монастыря в Симбирской губернии в 1920 г. [1, л. 5]. Однако, как указывает А.Л. Ершов, именно Комиссия должна была при обжаловании верующими отменять или утверждать постановления обл- и крайисполкомов о ликвидации храмов [3, с. 123].

По вопросу о порядке ликвидации культового имущества комиссия соглашалась с точкой зрения НКВД, выраженной в отношении Ленинградскому Областному Административному Отделу от 25 июля 1929 г. и поручала НКВД разработать и предъявить новую инструкцию.

В отношении использования церковных зданий в качестве музеев было решено просить ВЦИК принять к сведению положение, предоставленное Главнаукой в принятом ВЦИК виде постановления. Чтобы Главнаука проводила эти положения в жизнь. Предложить Главнауке представить в Комиссию при ВЦИК по вопросам культа список молитвенных зданий, имеющих историко-художественное значение по трём категориям.

Надлежало признать целесообразным пересмотр Постановления Президиума ВЦИК от 25 июня 1929 г. в направлении ликвидации указанной церкви (*Церковь «Большое Вознесение» – В.Е.*). Протокол был подписан председателем комиссии тов. Смидовичем.

6 февраля 1930 г. в числе других вопросов по протоколу № 7 слушались вопросы стихийности процесса ликвидации молитвенных зданий. Комиссия решила признать, что дело ликвидации молитвенных зданий опиралось на активное участие широких масс. Поэтому самочинные действия отдельных лиц и групп необходимо было своевременно пресекать, и в то же время должны были приниматься меры по развёртыванию действий самых широких масс. Должны были приниматься меры к тому, чтобы действия масс в этом направлении не встречали препятствий в формальном приложении статей действующих законов. Надлежало признать, что в связи с развёртыванием кампании по закрытию молитвенных зданий, закон об отделении церкви от государства 8

апреля 1929 г. подлежал пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса приходов.

Таким образом, советская власть стремилась ускорить процесс закрытия храмов и монастырей. Церковь воспринималась советами именно, как антагонист советской власти. Учение церкви не было сообразно с марксистско-ленинской теорией построения нового общества. Увеличивая радиус приходов, советская власть делала религиозные здания менее доступными для прихожан. А это означало, что роль церкви в обществе постепенно снижалась. Вслед за снижением роли церкви и усилением антирелигиозной советской пропаганды снижалась и роль религии в обществе и в жизни каждого человека.

На этом же заседании обсуждался вопрос об обследовании монастырей. Выступил тов. Тучков. Предложенный НКВД циркуляр решено было принять за основу. Поручить тов. Смидовичу внести соответствующие поправки. Циркуляр об обследовании бывших монастырей, расположенных на территории РСФСР, необходимо было утвердить от имени Президиума ВЦИК. Эти решения снова были подписаны тов. П. Смидовичем [2, л. 4–7].

Государство желало иметь чёткий контроль над деятельностью и имуществом монастырей.

В 1930 г. в отдел агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б) обращался двадцатипятилетний т. Кроль. Он просил т. Марусева разобраться в следующей ситуации. Сельский совет Елецкого округа Волынского района Центрально-Черноземной области обложил попа здешнего селения Троицкого Дмитрия Павловича индивидуальным налогом. Вышеназванный поп в с/с не находился и налога вовремя не платил. Потом куда-то скрылся и где-то работает. Сельсовет неоднократно просил его жену уплатить налог, но она налог не платила, в результате чего с/с оштрафовал её и изъял у неё вещи на сумму заложенности по налогу. Своё обращение Кроль завершал словами: «С коммунистическим приветствием рабочий-двадцатипятилетний т. Кроль».

Ранее в Президиум Облсполкома поступила жалоба от Гостевой Ольги Матвеевны — бывшей жены священника Дмитрия Троицкого из села Берёзовки Волынского района (Центрально-чернозёмной области — В.Е.) о том, что, несмотря на

развод с мужем, ей было предложено уплатить явно непосильный индивидуальный налог за мужа. Председатель сельсовета, выгнав её семью из дома, незаконно отобрал дом и всякое движимое и недвижимое имущество, вплоть до белья. Гостева, предполагая, что имущество ей будет возвращено, если она уплатит налог за мужа, уплатила 200 рублей. Однако она не только не получила имущества, но к ней было предъявлено, как к жене служителя культа, явно невыполнимое требование — сдать 300 пудов хлеба (собрала же она 100 пудов).

Поданная Гостевой жалоба в местный РИК была оставлена без последствий. Такое отношение со стороны местных органов власти органы высшей власти сочли недопустимым, т.к. Циркуляром Президиума ВЦИК 247/с был установлен порядок сдачи по заготовкам, а Постановлением Президиума ВЦИК 380/с установлена норма обложения культа.

Член Президиума ВЦИК т. Смидович, приостановив незаконные действия местных органов власти, поручал срочно расследовать вышеизложенное, принять соответствующие меры к решению вопроса и привлечь к ответственности виновных и выслать ему доклад.

Государственная власть не могла допустить беззакония со стороны местных органов власти. Это беззаконие могло вызывать слишком серьёзные протесты со стороны населения. Ситуация могла выйти из-под контроля.

Со своей стороны служители культа вели антисоветскую пропаганду. Так, священник с. Мальцево Ивановского района (Центрально-чернозёмной области — В.Е.) Константин Андреевич Одинцев занимался систематической агитацией, направленной к подрыву и свержению советской власти. Дело Одинцева было переправлено Льговским окружным прокурором в Москву.

Рядом свидетельских показаний было установлено, что Одинцев в 1929 г. говорил членам религиозной общины и другим односельчанам, что Соввласть душит крестьян, отбирает их земли под совхозы. Призывал не сдавать государству хлебных излишков, создавать отряды и всюду бить представителей Соввласти. Этих людей он называл барахлом, бандитами, которые губили людей. Одинцев говорил также, что скоро все страны пойдут войной и разрушат ненавистную Соввласть. Он призывал

не ходить в колхозы — это барщина. Одинцев был осуждён.

Принимая во внимание такую контрреволюционную деятельность Одинцева, прокуратура ОГПУ отказала в пересмотре его дела, о чём сообщал зам. прокурора при ОГПУ Ланда.

Вместе с Одинцевым обвинялись несколько человек, одному из которых удалось сбежать [6, л. 50–54, 57].

В ст. 58-10 УК РСФСР 1926 г. содержалась ссылка на ст. 58-2 того же кодекса [6 июня 1927 г. (СУ № 49, ст. 330)]. Эта статья предусматривала наказание вплоть до расстрела [6 июня 1927 г. (СУ № 49, ст. 330)] [13, с. 38, 42].

Свидетелями по этому делу выступали Надежда Долженко и Долженко Иван Мартынович. И.М. Долженко сообщал, что кулак с. Мальцевки Яцыков передал ему слова Одинцева, что необходимо защищаться, потому что банды (Соввласть) наступают открыто. При этом Яцыков сообщил, что Одинцев высказывал угрозы в адрес советской власти.

Секретариат ПредВЦИК, по поручению члена Президиума ВЦИК тов. Смидовича, направил Окр. прокурору г. Льгова приказ срочно рассмотреть дело К.А. Одинцева, проверить правильность возбуждения дела и выслать заключение.

Заместитель прокурора г. Льгов ответил, что предоставить дело во ВЦИК не представлялось возможным, т.к. дело было заранее передано в ОГПУ ЦЧО [9, с. 36] (г. Саратов). Запрос Секретариата ПредВЦИК был передан в ОГПУ ЦЧО. Вышестоящие органы государственной власти потребовали, чтобы это дело было передано из ОГПУ ЦЧО в Облпрокуратуру для пересмотра. О факте передачи надлежало уведомить ВЦИК [6, л. 56–57, 75].

Деятельность, проводимая священником Одинцевым, была сродни той подрывной деятельности, которую проводили большевики против царской власти. Однако большевиков и других левых революционеров поддерживало большинство населения, в то время как служителей культа поддерживало меньшинство. Связано это было с тем, что, во-первых, население ранее уже отвергшее старые порядки, имевшие место при царском режиме, не желало их восстановления, а, во-вторых, с тем, что советская власть проводила в целом успешную антирелигиозную

пропаганду. Большевики не могли не учитывать ошибок царской власти, поэтому они старались держать ситуацию в стране максимально под своим контролем. К тому же советское правительство неоднократно сумело удержать власть в своих руках во время гражданской войны, «белых» мятежей, крестьянских и др. восстаний.

Словами «скоро все страны пойдут войной и разрушат ненавистную Соввласть» Одинцев фактически предсказывал нападение капиталистических держав на СССР. Возможно, он обладал какой-то дополнительной информацией, о которой, однако, никому не сообщал, а, возможно, священник Одинцев, как человек, по всей вероятности, умевший теоретически мыслить и рассуждать, предсказывал большое испытание, ожидавшее нашу страну в 40-е гг. XX в.

Вряд ли Одинцев мог просчитать нападение Гитлеровской Германии на Советский Союз, но, понимая, что советы шли вразрез со всей существующей практикой общественно-политических отношений, сложившихся в мире, в т.ч. исключали церковь из общественно-политических отношений, он мог предвидеть предстоящую катастрофу планов советского руководства по полному искоренению веры из умов граждан.

Кстати, хотя во времена Российской империи от имени церкви все важнейшие решения принимал Синод, возглавляемый императором, однако, авторитет церкви в глазах верующих был значительным.

Одинцев даже в конце 20-х годов XX в. нашёл себе группу сочувствующих граждан. Хотя к этому времени советская власть уже правила на всей территории РСФСР, сумела ликвидировать часть храмов, добилась существенных успехов в антирелигиозной пропаганде. Успех действий Одинцева был продиктован старыми русскими традициями уважения к священнослужителю, а также тем, что было достаточно много недовольных «революционной» политикой советской власти. Слово «революционная» взято автором настоящей статьи в кавычки неслучайно. Советская власть производила революцию не только в политическом смысле, она разрушала старые экономические, социальные и религиозные традиции. Кстати, этим Страна Советов не нравилась капиталистическим державам. Кроме того, капиталисты опасались распространения советских идей в их странах.

По поводу высказывания Одинцева о

том, что церковь и советская власть были врагами, важно отметить, что советская власть не высказывалась о том, что церковь была её врагом. Однако советская власть стремилась изжить религию из умов граждан СССР. Это не скрывалось советами. Таким образом, РПЦ становилась не у дел. Это не могло не вызывать протеста со стороны служителей культа.

Важно учесть, что в 1927–1928 гг. разразился продовольственный кризис. Причиной кризиса Сталин объявил неразвитое, несоциалистическое сельское хозяйство, неосознанность крестьян и враждебные действия кулаков. Предложение Сталина полностью перестроить всё сельское хозяйство, уничтожив частный сектор, нашло горячую поддержку — многие коммунисты видели в коллективизации решающий бросок к социализму. Колхозы получили всевозможные льготы, десятки тысяч рабочих и студентов были направлены в деревню на заготовку продовольствия. Было у коллективизации и реальное подспорье — уже строились первые заводы, которые должны были обеспечить село современной техникой [11, с. 271].

Таким образом, Одинцев вёл антисоветскую пропаганду, манипулируя чувствами изголодавшихся крестьян. Он явно не мог быть доволен любыми успехами коллективизации.

В 1930 г. в Комиссию по вопросам культов поступила жалоба. П. Соколов ходатайствовал перед ЦИК СССР и просил рассмотреть его жалобу и обратить внимание, что он был псаломщиком в с. Подборовье Мясовского с/с Ржевского р-на Западной области. Соколов имел двух несовершеннолетних детей в возрасте 5 и 8 лет. Хозяйства никого не имел. Лошади у него не было, но была тёлка. Соколов имел 0,35 га земли. Он сдал в колхоз для посадки 3 пуда ржи и 10 пудов картошки. Однако его участок отошёл в колхоз. На него также была наложена обязанность сдать ещё 20 пудов ржи.

На своей земле Соколов произвёл копку и собрал 28 пудов картошки. Весь картофель у него изъяли и для его семьи ничего не оставили. После этого его оштрафовали на 150 рублей.

Народный суд Ржевского района признал Соколова злостным неплательщиком и приговорил его к одному году принудительных работ, выплате 200 руб. штрафа и изъятию тёлки. Соколов просил войти в его положение. Он указывал, что происходил из

самых бедных крестьян. Семь лет он работал пастухом, два года батраком. Он зарабатывал 25 рублей в месяц. Утратил здоровье на 35% процентов. Соколов просил снять с него все обвинения [6, л. 61].

В приговоре Ржевского народного суда было сказано, что П.И. Соколов был полностью трудоспособен. Соколова обвиняли в деянии, предусмотренном ст. 61 ч. 2 УК. В этой статье речь шла о неверном показании подлежащих обложению или учёту предметов [13, с. 55]. Принимая во внимание материалы дела, объяснения обвиняемого, непризнание им вины, суд признал за Соколовым, как все сдачи продовольствия в срок, так и инкриминируемую ему недодачу в колхоз ржи и картофеля. В результате чего, он был приговорён к одному году принудительных работ, без оплаты труда, 200 рублям штрафа и изъятию тёлки, которую надлежало передать в ближайший колхоз [6, л. 62]. Жалоба Соколова осталась без удовлетворения.

Дело было в том, что служители культа подвергались в РСФСР чрезмерному налогообложению. Не у всех из них хватало сил и средств, чтобы уплатить такие налоги. Государство изымало у них имущество и передавало его в колхозы. Это было экономически выгодно советской власти. Сложившимся положением дел был озабочен тов. Смидович. Он сообщал наркому финансов тов. Яковлевой о том, что налоговое обложение священнослужителей происходит на местах в порядке сплошного издевательства, и необходима была новая инструкция НКФина [6, л. 22].

Такая позиция тов. Смидовича объяснялась тем, что советская власть опасалась чрезмерного недовольства среди верующих. Священник, как фактический лидер религиозной общины, в глазах части верующих был неким олицетворением благодати и милости Божией. Верующие слушали его проповеди, обращались к нему за советом. Церковнослужители воспринимались, как неразрывная часть прихода. Безусловно, их положение волновало прихожан. Кроме того, самоубийства священно- и церковнослужителей всё же не могли не вызвать отклик среди руководства страны.

В сентябре 1930 г. Прокурору Нижегородского края поступило на рассмотрение дело Трусова Василия Фёдоровича из с. Вязевки Ковернинского района. Трусову было предложено уплатить 521 руб. 50 коп.

индивидуального сельхозналога, а т.к. он требуемую сумму не уплатил, у него распоряжением РИКа было изъято всё имущество, часть которого была распродана. Ввиду того, что Постановлением Президиума ВЦИК взыскание в принудительном порядке было приостановлено, с Трусова был взят явно противозаконный налог. М.И. Калинин поручал Прокурору Нижегородского края незамедлительно провести по делу самое тщательное расследование и привлечь виновных к уголовной ответственности. Приостановить взыскание налогов и дальнейшее изъятие имущества у гр. Трусова. Вернуть Трусову незаконно изъятые у него имущество.

М.И. Калинин требовал от Прокурора Нижегородского края прислать ему обстоятельный доклад о результатах расследования и принятых мерах [6, л. 17–19, 22].

А.Л. Ершов отмечает, что на государственном уровне Комиссия создавала верховной власти нужный образ народного заступника и укореняла у верующих мысль, что перегибы в религиозном вопросе — дело рук региональных властей [3, с. 124].

Комиссия по вопросам культов действовала в отношении РПЦ в соответствии с советским законодательством. Другое дело, что само это законодательство было направлено на ослабление позиций церкви

в обществе и постепенное изжитие православной веры. Советская власть навязывала обществу свою систему ценностей. Под воздействием советской пропаганды служители культа выставлялись в негативном свете. Постепенно верующие люди стали восприниматься остальным населением, как странные, недопонимающие личности. Под воздействием власти некоторые граждане видели в служителях культа и верующих классовых врагов. С точки зрения части советской интеллигенции, священники и монахи и наиболее преданная часть паствы заблуждались и отрицали свет просвещения, марксистско-ленинские идеи, прогресс.

Для советской власти было важно не допустить воскрешения религиозных идей в обществе. Наоборот, представлялось важным продемонстрировать гражданам несостоятельность церкви и служителей культа.

Само создание в 1929 г. Комиссии по вопросам культов стало кульминацией и итогом предыдущего периода развития курса советской власти в отношении Русской православной церкви. К 1931 г. комиссия завершила свою работу по подготовке ряда инструкций и правил, по которым советская власть начала новый этап наступления на права РПЦ, и вопрос существования православной церкви перешёл в другой ракурс.

Список литературы

1. Дело по ликвидации приходских и домовых церквей и церковного имущества по Симбирской губернии // ОГБУ ГАУО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 109. Л. 5.
2. Докладные записки, циркуляры и инструкции Комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7.
3. Ершов А.Л. Роль Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИКа в регулировании взаимоотношений РПЦ и местных властей в Ковровском районе в 1930-е гг.: закрытие храмов и положение духовенства // Мат. конф. «Провинциальный город в истории России». Ковров. 2013. С. 121–124.
4. Комиссия по вопросам культов // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841840.html> (дата обращения: 11.06.2022)
5. Кочетова А.С. Роль Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме (ВЦИК) ЦИК СССР в разработке религиозного законодательства 1930-х гг. // «Молодой учёный». 2011. № 9 (32). С. 155–160.
6. Переписка Комиссии по вопросам культов с Управлением делами СНК и СТО, Коллегией НКЮ, НКФ РСФСР, республиканскими и областными прокурорами, ЦИКаами АССР, облисполкомами и горсоветами о налогообложении церквей и служителей культа, закрытии церквей и снятии колоколов, неправильных действиях местных властей по отношению к служителям культа и др. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 7(2). Л. 17–19, 22, 50–54, 56–57, 61–62, 75.
7. Переписка с Наркоматами, ЦИК республик и др. ведомствами и организациями о закрытии церквей, расторжении договоров с религиозными общинами, использовании молитвенных зданий // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 64–65.
8. Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной комиссии по вопросам культов

(1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. 2009. Вып. 2(31). С. 41–76.

9. Прокофьева Е.Ю. Из истории районирования территории Центрально-Чернозёмной области (ЦЧО) // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. 2008. № 1(41). С. 36.

10. Протоколы заседаний Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК с № 4 по № 17 (№№ 1–3 см. за 1929 г.) // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–5.

11. Россия. Полный энциклопедический иллюстрированный справочник [авт.-сост. П.Г. Дейниченко]; под ред. А.А. Красновского. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 360 с.

12. Топоркова Н. «Комиссия 1929 года». Русская берёза. Благотворительный фонд помощи имени заслуженного лётчика-испытателя СССР героя Советского Союза Ю.А. Гарнаева. URL: <https://rusbereza.ru/vgosti/7080> (дата обращения: 11.06.2022).

13. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926. Принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва, введён в действие постановлением ВЦИК 22 ноября 1926 г. с 1 января 1927 г. (СУ № 80, стр. 600). М.: Гос. изд-во юр. лит., 1950 г. С. 38, 42, 55.

ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF THE COMMISSION ON CULTS UNDER THE PRESIDUM OF THE ALL-RUSSIAN CENTRAL EXECUTIVE COMMITTEE IN 1929-1930

The article deals with the work of the Commission on Cults under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee in 1929–1930. The research topic is relevant, because. Currently, there is a rethinking of the Soviet experience of interaction between state power and the Russian Orthodox Church in the Soviet period of our history. The purpose of the study is to analyze the work of the Commission on Cult Issues and to understand its role in the development of the anti-religious policy of the Soviet government. This article examines the problems faced by the commission in resolving issues related to the interaction of the authorities, the population and the church. A great contribution to the study of the activities of the Commission on Cults was made by O.B. Prikazchikova, A.S. Kochetova, A.L. Ershov. The merit of these authors lies in the fact that they analyzed the statistical aspect of the commission's work. The main emphasis in their articles is placed on the period from 1931 to 1935. This article examines in detail the period of work of the commission from 1929 to 1930. A new substantive aspect of the commission's work is considered. The methodology of this article includes the historical-diachronic method, which made it possible to understand the internal laws of the development of the political course of the Soviet government in relation to the Russian Orthodox Church and clergy. The comparative historical method made it possible to compare some aspects of the policy of the state power of the Russian Empire and the Soviet government in relation to the Orthodox Church. The structural-system method made it possible to study the genesis of the policy of the Soviet government on the issue of its interaction with the Russian Orthodox Church in its entirety and in certain aspects. As a result of the study, it was possible to study the complaints and petitions received by the commission, the reaction of the commission members to these citizens' appeals. The activity of the chairman of the commission of the Soviet state and party leader P.G. Smidovich. In this study, archival materials from the collections of the State Archives of the Russian Federation (GA RF) are introduced into scientific circulation for the first time. The materials and conclusions contained in the study may be useful for teaching the "History of Russia", in the preparation of textbooks, special courses on the history of interaction between the Soviet government and the Russian Orthodox Church. The Commission made decisions regarding the Russian Orthodox Church and clergy in accordance with the current legislation of the USSR at that time. However, this legislation itself was aimed at excluding the church from social and political life and the complete eradication of faith from the minds of citizens.

Keywords: Commission on religious issues under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee, the Russian Orthodox Church, Decree on the separation of church from state and school from church, People's Commissariat of Finance, Glavnauka, NKVD, OGPU, Rossgosstrakh, Krasny Oktyabr Factory, taxation of clergy.

References

1. *Delo po likvidatsii prikhodskikh i domovykh tserkvei i tserkovnogo imushchestva po Simbirskoi gubernii* [The case for the elimination of parish and house churches and church property in the Simbirsk province]. OGBU GAUO. F. R-134. Op. 1. D. 109. L. 5.

2. *Dokladnye zapiski, tsirkulyary i instruktsii Komissii pri Prezidiume VTsIK po voprosam kul'tov* [Memoranda, circulars and instructions of the Commission under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee on religious issues]. GA RF. F. R-5263. Op. 1. D. 1. L. 1–7.

3. Ershov A.L. *Rol' Komissii po voprosam kul'tov pri Prezidiume VTsIKa v regulirovanii vzaimootnoshenii RPTs i mestnykh vlastei v Kovrovskom raione v 1930-e gg.: zakrytie khramov i polozhenie dukhovenstva* [The Role of the Commission on Cult Issues under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee in Regulating Relations between the Russian Orthodox Church and Local Authorities in the Kovrov District in the 1930s: Closing Churches and the Position of the Clergy]. Mat. konf. «*Provintsial'nyi gorod v istorii Rossii*». [Materials of the conference "Provincial town in the history of Russia"]. Kovrov. 2013. pp. 121–124.

4. *Komissiya po voprosam kul'tov. Pravoslavnyaya entsiklopediya pod redaktsiei Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla* [Cult Commission. Orthodox Encyclopedia edited by Patriarch Kirill

of Moscow and All Russia]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841840.html> (data obrashcheniya: 11.06.2022).

5. Kochetova A.S. *Rol' Komissii po voprosam religioznykh kul'tov pri Prezidiume (VTsIK) TsIK SSSR v razrabotke religioznogo zakonodatel'stva 1930-kh gg.* [The role of the Commission on Religious Cults under the Presidium (VTsIK) of the Central Executive Committee of the USSR in the development of religious legislation in the 1930s.] // «*Molodoi uchenyi*». [Young scientist]. 2011. no 9 (32). pp. 155–160.

6. *Perepiska Komissii po voprosam kul'tov s Upravleniem delami SNK i STO, Kollegiei NKYu, NKF RSFSR, respublikanskimi i oblastnymi prokurorami, TsIKami ASSR, oblispolkomami i gorsovetami o nalogooblozhenii tserkvei i sluzhitelei kul'ta, zakrytii tserkvei i snyatii kolokolov, nepravil'nykh deistviyakh mestnykh vlastei po otnosheniyu k sluzhitelyam kul'ta i dr.* [Correspondence of the Commission on religious issues with the Administration of the Council of People's Commissars and the STO, the Collegium of the People's Commissariat of Justice, the NKF of the RSFSR, republican and regional prosecutors, the Central Election Commission of the Autonomous Soviet Socialist Republic, regional executive committees and city councils on the taxation of churches and ministers of worship, the closure of churches and the removal of bells, the wrong actions of local authorities to ministers of worship, etc.]. GA RF. F. R-5263. Op. 1. D. 7(2). L. 17–19, 22, 50–54, 56–57, 61, 75.

7. *Perepiska s Narkomatami, TsIK respublik i dr. vedomstvami i organizatsiyami o zakrytii tserkvei, rastorzhenii dogovorov s religioznymi obshchinami, ispol'zovanii molitvennykh zdanii* [Correspondence with the People's Commissars, the Central Executive Committee of the republics and other departments and organizations on the closure of churches, termination of agreements with religious communities, the use of prayer buildings]. GA RF. F. R-5263. Op. 1. D. 3. L. 2, 64–65.

8. Prikazchikova O.B. *Deyatel'nost' Postoyannoi komissii po voprosam kul'tov (1929–1938 gg.)* [Activities of the Permanent Commission on Cults (1929–1938)]. Vestnik PSTGU. 2009. Vyp. 2(31). pp. 41–76.

9. Prokof'eva E.Yu. *Iz istorii raionirovaniya territorii Tsentral'no-Chernozemnoi oblasti (TsChO)* [From the history of regionalization of the territory of the Central Black Earth Region (TsChO)]. Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya [Scientific bulletin of BelSU. Ser. Story. Political science]. 2008. № 1(41). P. 36.

10. *Protokoly zasedanii Komissii po voprosam kul'tov pri Prezidiume VTsIK s № 4 po № 17 (№№ 1–3 sm. za 1929 g.)* [Minutes of the meetings of the Commission on Cults under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee from No. 4 to No. 17]. GA RF. F. R-5263. Op. 1. D. 5. L. 1–5.

11. *Rossiya. Polnyi entsiklopedicheskii illyustrirovannyi spravochnik* [Russia. Complete encyclopedic illustrated guide] [avt.-sost. P.G. Deinichenko]; pod red. A.A. Krasnovskogo. Moscow, *OLMA Media Grupp* [OLMA Media Group], 2007. 360 p.

12. Toporkova N. «Komissiya 1929 goda». Russkaya bereza. Blagotvoritel'nyi fond pomoshchi imeni zasluzhennogo letchika-ispytatel'ya SSSR geroya Sovetskogo Soyuza Yu.A. Garnaeva. [“Commission of 1929”. Russian birch. Charitable Foundation for Assistance named after Honored Test Pilot of the USSR, Hero of the Soviet Union Yu.A. Garnaev]. URL: <https://rus-bereza.ru/vgosti/7080> (data obrashcheniya: 11.06.2022).

13. *Ugolovnyi kodeks RSFSR redaktsii 1926. Prinyat 2-i sessiei VTsIK XII sozyva, vveden v deistvie postanovleniem VTsIK 22 noyabrya 1926 g. s 1 yanvarya 1927 g. (SU № 80, str. 600).* [Criminal Code of the RSFSR revision 1926. Adopted by the 2nd session of the All-Russian Central Executive Committee of the XII convocation, put into effect by a resolution of the All-Russian Central Executive Committee on November 22, 1926 from January 1, 1927 (SU no. 80, p. 600)]. Moscow, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury* [State publishing house litas], 1950 g. P. 38, 42, 55.

Об авторе

Егоров Вадим Валерьевич, учитель истории и обществознания высшей квалификационной категории Муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Гимназия № 67», Россия; e-mail: vve12345@mail.ru

Egorov Vadim Valerievich, teacher of history and social studies of the highest qualification category of the Municipal Autonomous Educational Institution "Gymnasium No. 67", Russia; e-mail: vve12345@mail.ru